

Р. Таггарт Мерфи

Доллары Восточной Азии

Американцев давно предупреждали, что игры с большим и сохраняющимся дефицитом не доведут до добра. «Мы живем на заемные деньги и заемное время», — сказал Уолтер Мондал на съезде Демократической партии в 1984 г., когда суммарный дефицит правительства Соединенных Штатов был на семь триллионов долларов меньше, чем сегодня. Три года спустя на многих карикатурах и в серьезных статьях крах фондовой биржи 1987 г. описывался как тяжелое пробуждение, воздаяние расточительной нации. Этот дефицит настолько напугал президента Буша-старшего, что тот изменил своему обещанию — «читайте по губам!» — не повышать налоги. В 1992 г. Росс Перо стал наиболее успешным кандидатом в президенты от «третьей партии» со времен Юджина Дебса, сделав растущую задолженность основной проблемой своей кампании. Предметом гордости Клинтона было то, что ему временно удалось остановить рост дефицита бюджета, хотя внешнеторговый дефицит продолжал расти на всем протяжении правления его администрации.

Это не сработало; дефицит бюджета долгое время считался главной причиной внешнеторгового дефицита. Но перед тем как загадка разрешилась сама собой, в Вашингтон пришел Джордж Буш-младший со своим снижением налогов, войнами и непомерными расходами в пользу своих избирателей и распорол нити, которыми администрация Клинтона сшила между собой расходы правительства и налоговые доходы. И дефицит бюджета, и внешнеторговый дефицит вскоре достигли уровня, который раньше казался большинству экономистов невыносимым. Дурные предчувствия распространились далеко за пределы демократов и фискальных консерваторов старой закалки. В начале 2005 г. Уоррен Баффет заявил, что его настолько пугают дефицитные тенденции, что он готов отказаться от приобретения акций или облигаций, выраженных в долларах. В том же году на давосском форуме К. Фред Бергстен из Института международной экономики предупредил о наступлении в самое ближайшее время доллароого кризиса. В широко процитированном выступлении в Стэнфорде месяц спустя Пол Волкер, бывший глава Федеральной резервной системы, сказал, что экономика стоит «на тонком льду». С загнанными в угол республиканцами, которым необходимо было сохранять низкие налоги и щедрость правительства, чтобы оставаться у власти, и демократами, которые не могут быть избранными из-за программы повышения налогов и сокращения расходов, эти люди не видели другого возможного сценария, помимо краха доллара для изменения тенденций беспрецедентного роста дефицита. В определенный момент иностранцы, помогающие финансировать оба этих дефицита, должны будут отказаться давать «хорошие» деньги за «плохие». Они сбросят свои долларовые резервы, что приведет к краху доллара, что в свою очередь, наконец, заставит американцев жить по средствам.

Но ничего подобного не произошло. Рынки отреагировали на такие прогнозы с безразличием собаки на сене. К концу 2005 г. курс доллара вырос по отношению к евро на 15 %, а к иене на 13 % по сравнению с январем; и это в год, когда дефицит бюджета и внешнеторговый дефицит каждый месяц продолжали ставить новые рекорды. В этом и состоит загадка: наиболее проницательные наблюдатели называют развитие тенденций дефицита нежизнеспособным; никто не предлагает реалистичного сценария,

способного изменить такие тенденции при помощи политического действия; все ждут краха доллара; этот крах упорно не происходит. Кейнс как-то сравнил фондовый рынок с конкурсом красоты, на котором весь призовой фонд достается победительнице, которую другие судьи считают самой красивой. Если это верно для акций, это еще больше верно и для валютных рынков. Прошли те дни, когда приливы и отливы в международной торговле определяли стоимость валют. Ежедневный объем мировых валютных рынков исчисляется триллионами долларов, причем на американский доллар приходится примерно 85 % всех валютных торгов — преимущественно спекулятивных. Если достаточное число людей считает, что другие будут зависеть от доллара, доллар не упадет, независимо от состояния американского дефицита.

Нет никакой тайны в том, кто держит самые большие долларовые резервы. Это центральные банки и финансовые институты Японии, Китая, Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. При угрозе краха доллара одна или несколько из этих стран вынуждены будут изменить свое отношение к американской валюте. Они показывают такое рефлексивное отношение к накоплению и сохранению долларов, что некоторые комментаторы назвали нынешний глобальный финансовый порядок второй Бреттон-Вудской системой — продолжением другими средствами завязанного на доллар международного порядка, который преобладал в послевоенные десятилетия. Сам по себе этот ярлык не объясняет, почему государства поступают именно так. Но он показывает, что какими бы ни были причины, у них есть иные мотивы, помимо максимизации прибыли своих валютных резервов; что они заинтересованы в сохранении финансовой системы во главе с Соединенными Штатами.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ПОРЯДОК

Бреттон-Вудская валютная система, разработанная в 1944 г. Кейнсом и Гарри Декстером Уайтом, была не просто подтверждением того, что Соединенные Штаты выйдут из Второй мировой войны необычайно сильными в экономическом отношении и что любой глобальный финансовый режим немыслим без учета этого обстоятельства. В этой системе курс каждой валюты привязывался к доллару. Более важно, что от Соединенных Штатов потребовались желание и способность продавать золото по 35 долларов за унцию иностранным центральным банкам, а это означало, что Вашингтон вынужден был принимать меры всякий раз, когда внешнеторговый дефицит угрожал резкой потере золота. Когда в 1971 г. администрация Никсона прекратила продажу золота, отказавшись от жестких экономических мер, необходимых для изменения структурного внешнеторгового дефицита, и не сумев убедить или запугать своих торговых партнеров, особенно Японию, в необходимости корректирующих мер, система рухнула. Но, несмотря на десятилетнее падение курса доллара, финансовый мир продолжал вращаться вокруг доллара и делает это по сей день.

Такая вторая Бреттон-Вудская система вполне устраивает Соединенные Штаты, так как американцы получают огромную выгоду от этого устройства, имея возможность безнаказанно финансировать свой торговый дефицит — то, что французский экономист Жак Рюефф метко назвал дефицитом без слез. Среди прочего, это позволяет Вашингтону использовать войска во всем мире без больших реальных финансовых затрат, поскольку необходимые средства сначала создаются Федеральной резервной системой, а затем обмениваются на товары и услуги иностранцев и вновь

возвращаются министерству финансов. (Формально неважно, в чем иностранцы держат доллары, будь-то государственный долг, корпоративный долг, акции или что-то еще со знаком \$. Пока ценные бумаги оцениваются в долларах, они остаются в рамках американской банковской системы, где они служат созданию кредита в Соединенных Штатах.)

Но если польза от второй Бреттон-Вудской системы для Соединенных Штатов очевидна, то с пользой для тех, кто поддерживают ее, дело обстоит совершенно иначе. Система любопытна по крайней мере в двух отношениях: в отличие от первой Бреттон-Вудской системы, здесь отсутствует формальное институциональное требование к кому-либо поддерживать ее; сложности с корректировкой разрешаются не основным выгодоприобретателем системы — Соединенными Штатами, а его кредиторами. Конечно, в 1979 г. Волкер вывел американскую экономику из пике, сбив инфляцию и тем самым замедлив резкое падение покупательной способности доллара, начавшееся после краха первой Бреттон-Вудской системы. Администрация Буша-старшего подняла налоги, а администрация Клинтона смогла создать сбалансированный федеральный бюджет. Но Соединенным Штатам нужно было принимать эти меры. Вашингтон стремился не столько сохранить глобальную систему, сколько не допустить безудержной инфляции и ведущей к краху экономики процентной ставки. С другой стороны, поддержка Японией доллара была главной причиной дефляции и низкого роста в течение пятнадцати лет начиная с 1990 г., тогда как Китай использовал сбережения, полученные от бедных граждан, для финансирования американского потребления.

Поначалу именно страны ОПЕК во главе с Саудовской Аравией сделали больше всего для поддержки завязанного на доллар международного порядка после краха первой Бреттон-Вудской системы. Раздутые доходы, размещавшиеся в Лондоне, возвращались в оборот ведущими коммерческими банками в виде ссуд развивающимся странам, не занимающимся добычей нефти, финансируя импорт последних. Отдельные страны ОПЕК какое-то время пытались оплачивать свои поставки в валюте, отличной от долларов, но по практическим и геополитическим причинам (тогда не было никакой другой валюты, обращавшейся в достаточном количестве, а саудовский режим зависел от американской военной защиты) они продолжили использовать доллары.

Но с 1977 г., когда Япония стала первой развитой нацией, возродившись после мирового спада середины 1970-х гг., она сыграла главную роль в сохранении доллара. Именно Япония в начале 1980-х гг. направила свое растущее финансовое богатство на финансирование так называемой рейгановской революции — первого американского эксперимента с сокращением налогов без одновременного сокращения расходов. Именно Япония кредитовала международную систему после «черного понедельника» 19 октября 1987 г., когда американский рынок ценных бумаг потерял четверть своей стоимости за несколько часов. Именно Япония финансировала первую войну в Заливе, продала миллиарды иен за доллары после мексиканского кризиса песо в 1995 г. и продолжила покупать ценные бумаги в долларах сразу после азиатского финансового кризиса, 11 сентября и вторжения в Афганистан и Ирак. Но если к этим официальным цифрам прибавить обширные долларовые резервы компаний и банков частного сектора Японии, станет очевидно, что Япония продолжает играть ведущую роль в поддержании глобальной стоимости доллара, значит, и американской гегемонии на протяжении последней четверти века.

ВЕС ПРОШЛОГО

Почему? Зачем? С экономической точки зрения, у Японии, по-видимому, была только одна веская причина для поддержки доллара: имея крупнейшие долларовые резервы, Япония могла потерять больше остальных от общего краха доллара (возможно, даже больше Соединенных Штатов). Япония оказалась в положении рыночного игрока, который настолько зависел от того, чем он торговал, что не мог изменить свое положение, не понеся огромных потерь, и в результате ему приходилось всеми силами его поддерживать. Но экономические расчеты лишь отчасти проясняют картину, включающую пятнадцать лет, на протяжении которых японская финансовая система казалась остальным стоящей на грани краха, которого все не происходило. Она включает также политическую элиту, которая имела дело с непредвиденными обстоятельствами и которая не могла использовать зарубежные примеры. Она включает политическую систему, которая страдает от институциональных изъянов, коренящихся в глубоком прошлом, и ряд сложных уловок, используемых элитой для сокрытия источников своего могущества. И наконец, картина включает давнюю историю активной поддержки преобладающей иностранной державы, единственная цель которой состоит в том, чтобы не допустить угрозы изменения баланса сил внутри страны.

Взятие власти в 1868 г. современной японской элитой преподносилось в виде реставрации, а не революции. Оно происходило в соответствии с существующими местными правовыми процедурами. В отличие от китайской революции, которая произошла 81 год спустя, сегун не бежал на отдаленный остров и не установил режим, соперничающий с токийским; формально он «вернул» власть императору. И все же, несмотря на формальные атрибуты легитимности, реставрация Мэйдзи была *coup d'état*, начатым недовольными элементами из числа тогдашней элиты. Они захватили древний институт трона, до этого остававшийся бессильным символом легитимности, и использовали его в качестве прикрытия для разрушения феодальной системы поместий и квазинезависимых центров власти, а также для централизации политических и экономических институтов контроля в своих руках с жестокостью, которая могла вызвать восхищение Наполеона.

Самураи с юго-запада Японии, которые в 1860-х гг. собрались в Эдо, переименовали его в Токио (в буквальном переводе: восточная столица), заставили сегуна сложить полномочия и перевезли императора и его двор из Киото. Они не собирались делиться властью с торговцами из Осаки или дожидаться органического развития капиталистических институтов. Они стремились избежать судьбы остального мира — колонизации империалистическими державами, подавляя при этом все более своевольное и бедное крестьянство. Торговцы были разорены или лишены имущества, а средства из сельского населения для оплаты форсированной индустриализации Японии выжимались еще более беспощадно, чем при сегунах. Контрольные пакеты в новых банках и отраслях промышленности были сосредоточены в руках бывших самураев, пользовавшихся поддержкой бюрократических мандаринов, организованных по прусскому образцу. Между тем для сдерживания внутренних волнений существующему феодальному порядку были привиты импортированные институты социального контроля. К этим институтам относилась всеобщая воинская повинность, милитаризованная система государственного образования, превращение народных религиозных практик в политизированную и контролируруемую государством

синтоистскую религию и навязывание гипернационалистической идеологии поклонения императору.

В течение полувекового правления — с 1868 г. по начало 1920-х — лидеры мэйдзийской Японии постоянно вели борьбу за место в глобальном финансово-военном порядке, вращавшемся вокруг лондонского Сити. В этом порядке действовал механизм кажущегося нейтральным золотого стандарта, который в сочетании с законом сравнительного преимущества якобы гарантировал достижение лучшего результата. На самом деле этим порядком управлял Банк Англии, а на страже его стоял британский Военно-морской флот. Страны вроде Турции и Египта, которым не хватало золота или серебра и которые не выполняли своих долговых обязательств, лишались территорий и даже независимости в пользу западных держав.

Японские лидеры были необычайно восприимчивы к динамике власти, которая лежала в основе глобального финансового режима того времени. Быстрое выкачивание золота из страны после ее «открытия» в 1854 г. коммодором Перри было главной причиной краха сегуната; внутренний курс золота к серебру составлял 1 к 5, поэтому при международном курсе 1 к 15 ушлые торговцы скупили массу обращавшихся в стране золотых монет, используя переоцененное серебро. Основной финансовой целью последующей индустриализации было накопление золота или, точнее, накопление требований на золото. И когда после Японо-китайской войны 1895 г. Япония получила достаточно золота в виде репараций от поверженной династии Цинь, лидеры страны, чтобы получить возможность кредитования за рубежом, попытались купить благосклонность Британии, разместив золото в хранилищах Банка Англии, а не вернуть его в Японию. Такая политика получила название зайгай сеика — в буквальном переводе: монеты за границей. Она опиралась на способность «сильных денег» (т. е. денег, используемых для создания других денег, — золота, банковских резервов, международных резервов) выполнять одновременно две задачи: обеспечивать создание кредита самой Японии и часть денежной массы Британии.

Кейнс описал этот механизм в своей первой крупной опубликованной работе «Индийская валюта и финансы», отметив, что прибыль от торговли Индии с Британией, которая оставалась в Лондоне, стала частью денежной массы Британии и не привела к снижению покупательной способности в ней. Кейнс приводил слова более позднего руководителя Банка Японии в оправдание зайгай сеика. Эта политика стала финансовым фоном для создания англо-японского союза в 1902 г., который одобрил вступление Японии в клуб наций, поддерживающих существующий глобальный порядок. За 34 года страна превратилась из «тихой заводки», будущее которой в качестве независимой нации было сомнительным, в важную опору британской гегемонии в Восточной Азии и самостоятельную империалистическую державу. Появившаяся в результате свобода действия среди прочего позволила Японии собрать средства, необходимые для ведения и победы в Русско-японской войне 1904–1905 гг., которая в свою очередь создала почву для русской революции.

СМЕНА ГЕГЕМОНОВ

Но при всех своих успехах мэйдзийские архитекторы превращения Японии в признанную мировую державу не решили основных политических проблем, включая создание по-настоящему легитимных институтов, обеспечивающих преемственность власти и наделяющих правом править, ибо власть теоретически осуществлялась от

имени императора, который на самом деле не правил. За фасадом импортированных институтов парламентского правления и продуманной фикцией императорского благословения люди, которые захватили власть в 1868 г., продолжали править страной, будучи своеобразной коллективной олигархией, руководящей огромной бюрократией, которую они создали. Но они не смогли оставить преемникам механизм, который позволял признавать законность одних притязаний на власть и отвергать другие. Уход со сцены мэйдзийских олигархов совпал с падением в полях Фландрии завязанного на Британию мирового порядка. Вакуум власти в Восточной Азии был одним из многих следствий неспособности Британии и неготовности Соединенных Штатов поддерживать систему после Первой мировой войны. Офицеры среднего звена в японской армии взяли бразды правления страной в свои руки и заполнили этот вакуум, принеся множество бед и разрушений своим соседям и, в конечном итоге, своим соотечественникам.

И все же сокрушительное военное поражение Японии в конце Второй мировой войны не привело к замене одного правительства другим. Несмотря на самодовольные заявления Вашингтона, американская оккупация не привела к фундаментальным преобразованиям в характере японского правления. Конституция, написанная оккупантами, ответила на вопрос о том, кто обладает правом определять программу развития страны, не лучше, чем лидеры эпохи Мэйдзи. Ее целью действительно была передача суверенитета японскому населению, которое должно было действовать через законодательное собрание, а не императору. Но огромная бюрократия, которая определяла все, что происходило в Японии, по-прежнему оставалась неподотчетной внешним источникам власти — будь-то император или парламент. Судебная власть была независимой только номинально. Никакого надзора — ни со стороны парламента, суда или монарха — над тем, что делала бюрократия, не было, как не было и никакой ответственности.

И все же произошло два изменения. Во-первых, бюрократия довоенного и военного времени, имевшая в своем распоряжении средства физического принуждения — военных и Министерство внутренних дел, была либо раздроблена на меньшие (и менее влиятельные) части, либо вовсе обессилена и подчинена бюджетному бюро Министерства финансов. Между тем основные экономические министерства — финансов, военного имущества, переименованного теперь в Министерство международной торговли и промышленности — остались во многом нетронутыми. Во-вторых, Соединенные Штаты лишили Японию тех функций, которыми чаще всего определяется государство, — обеспечения национальной безопасности и самостоятельной внешней политики. В большинстве стран вопросы безопасности, внешней политики и распределения государственных средств между соперничающими заинтересованными группами внутри страны составляют основу политики. Но с лишением Японии внешней и оборонной политики и превращением экономического восстановления в основной приоритет послевоенного десятилетия политические дискуссии во многом сошли на нет, а с исчезновением политики необходимая инфраструктура — живая и независимая пресса и кадры публичных интеллектуалов — атрофировалась.

Со слиянием в 1955 г. двух ведущих консервативных партий, образовавших Либерально-демократическую партию, послевоенное устройство японской политической жизни приобрело заверченный вид. Такое слияние исключало всякую возможность прихода к власти левых; на этом решительно настаивали Соединенные

Штаты как на условии прекращения оккупации. Но система, созданная в 1955 г., предполагала также забвение всех остальных национальных целей и сосредоточение всех сил исключительно на экономическом росте и поддержании согласия в американо-японском союзе. Целью было создание индустриальной сверхдержавы под защитой Америки и в рамках стабильной, завязанной на доллар глобальной финансовой системы; японскую элиту не интересовала жизнеспособность этой системы в долгосрочной перспективе.

Как только Япония преодолела послевоенную разруху и возобновила промышленный рост, настолько впечатляющий, что к нему приклеился ярлык «чудо», казалось, будто история эпохи Мэйдзи повторилась. И вновь за два десятилетия Япония превратилась из «тихой заводи» в главного игрока, пристроившись к ведущей сверхдержаве. И вновь она стала важным военным активом для этой сверхдержавы в отношениях с великими евразийскими континентальными (а теперь коммунистическими империями). И вновь она оставляла доходы от собственного экспорта в банковской системе сверхдержавы, обеспечивая косвенную финансовую поддержку способности сверхдержавы применять военную силу по остальному миру. И вновь ее подчинение финансово-политическому глобальному порядку, управляемому и охраняемому сверхдержавой, позволило оставить без решения основные политические проблемы.

Современное политическое устройство Японии, таким образом, напоминает цветущую лозу, которая достигла большой высоты, но скорее всего опала бы, если бы жердь, вокруг которой она обвивается, — Соединенные Штаты — сломалась. Но этот образ требует уточнения, причем не только потому, что жердь поддерживает лозу, но и потому, что лоза за последние 35 лет стала важной опорой для этой жерди. Соединенные Штаты нуждаются сегодня в Японии намного больше, чем Британия в начале XX в. Японские компании производят множество дорогостоящих комплектующих и готовых товаров, от которых целиком зависит американское технологическое и военное превосходство. Сохранение Японией центральной роли в финансировании внешнеторгового дефицита и дефицита бюджета Соединенных Штатов и в поддержании завязанного на доллар международного порядка, как мы видели, служит основным объяснением способности Вашингтона применять и поддерживать огромные вооруженные силы без серьезного налогового бремени внутри страны. С 1970-х гг. при каждом кризисе, когда казалось, что потрясения на валютном рынке могли заставить Соединенные Штаты жить по средствам, японская элита поддерживала доллар, вторую Бреттон-Вудскую систему и, как следствие, американскую гегемонию. Как утверждали Микуни Акио и я, это было обусловлено не какой-то особой привязанностью к Вашингтону со стороны этой элиты, а тем, что «она связывала свое выживание с продолжающимся ростом принадлежащих Японии долларов в американской банковской системе». Всякая альтернатива требовала фундаментального пересмотра основных положений системы, созданной в 1955 г., и создавала риск опасной и изнурительной борьбы внутри элиты.

МИМОЛЕТНЫЕ ФАНТАЗИИ

На короткое время — с конца 1980-х по начало 1990-х гг. — японская элита, казалось, всерьез задумалась о фундаментальной реструктуризации отношений с Вашингтоном. После публикации в 1979 г. «Япония — номер один» Эзры Вогеля разного рода урапатриоты и кажущиеся осведомленными иностранцы (к этому хору принадлежал и я, хотя, как и большинство неяпонцев, с определенными оговорками) говорили, что

Япония вот-вот достигнет мирового экономического превосходства, если уже его не достигла. Казалось, Япония превосходила Соединенные Штаты по всем важным экономическим показателям, за исключением величины территории; и это было вопросом времени. После краха фондовой биржи в 1987 г., истолкованного в Токио как убийственный вердикт американской расточительности и экономической слабости, японская элита, по-видимому, была уверена в том, что американская экономическая гегемония доживает последние дни.

Конечно, Соединенные Штаты все еще обеспечивали важную военную защиту от государства, считавшегося главной внешней угрозой безопасности, и близкого соседа Японии — Советского Союза. А остаточная покупательная способность американского рынка, казалось, служила необходимой опорой для исторического превращения Японии в «главную экономику» мира в соответствии с прогнозом, приведенным в статье из *National Interest*. Но Япония уже взялась за исправление ситуации после краха фондовой биржи 1987 года. Ее компании доминировали во всех важных технологиях, а ее банки затмевали всех иностранных конкурентов. Кажущийся бесконечным денежный насос внутреннего рынка недвижимости позволил японцам скупать любые активы везде, где только, с их точки зрения, можно было нажать. Министерство финансов забыло о своем историческом сопротивлении глобализации иены и начало исследовательские программы по преобразованию Восточной Азии в блок иены. Все это, казалось, формально подтверждало свершившийся факт: переход гегемонии над глобальной экономикой от Соединенных Штатов к Японии.

Но в основе японского денежного насоса конца 1980-х г. лежали постоянно растущие цены на землю. Когда власти вмешались, чтобы замедлить темпы роста цен, выяснилось, что они сломали весь механизм и больше не смогли его исправить. Прежде чем цены упали до нижнего предела, японская финансовая система, которая, казалось, вот-вот должна была установить свое глобальное господство, вынуждена была покинуть международные рынки и заняться капитальным ремонтом дома, в ходе которого некоторые громкие имена исчезли в ряде вынужденных слияний. Японская электронная промышленность, заявлявшая о своем предполагаемом превосходстве в полупроводниках на страницах *Scientific American*, не поверила своим глазам, когда увидела, что мало кому известные американские компании — Apple Computer, Microsoft, Intel, Sun Microsystems, AMD — ни в чем не уступали лидеру в новых информационных технологиях 1990-х (единственное исключение — сотовые телефоны). Вопреки всем ожиданиям в 1990–1995 гг. Соединенные Штаты смогли сократить, а потом и полностью устранить финансовый дефицит и были вознаграждены здоровым ростом и прочной валютой. Между тем Япония металась от одного непоследовательного политического ответа к другому, а ее государственный долг рос еще быстрее, чем у Соединенных Штатов.

В 1990-х гг. после всех громких заявлений о «дутой экономике» к японской элите вернулось чувство реальности. Она стала осознавать, что впервые столкнулась с серьезным вызовом своей власти после 1945 г. Остальной мир видел проблему прежде всего в экономике, и она действительно проявлялась в застое ВВП, росте безработицы, банкротствах, шатких финансовых институтах и дефляции. Но все дело было в политике: каким образом и должна ли вообще японская система приспособиться к новым реалиям в мире, где старые методы, по-видимому, перестали работать. Мейнстримным экономистам в большинстве стран мира решение японских трудностей казалось очевидным: полное принятие институтов либерального капитализма —

корпоративное управление посторонними, свобода торговли, избавление от крупных нерентабельных банков и производственных предприятий и распродажа их активов тем, кто мог управлять ими с большей пользой, прозрачные рынки труда и корпоративный контроль, разрушение картелей, назначение цены — для процентной ставки, иены, труда, земли, продуктов питания, жилья — рынками, а не бюрократами.

Самые громкие призывы к этому раздавались из Вашингтона. По иронии судьбы, после того как Япония на деле осуществила такую политику, состояние экономики заметно ухудшилось, что сделало необходимым масштабную ликвидацию долларовых резервов Японии, в результате чего резко ослабла ее способность поддерживать завязанный на Соединенные Штаты глобальный финансовый порядок. В конце концов компании и банки, оставшись без привычного покровительства со стороны всеобъемлющей бюрократической системы, оказались вынуждены делать все, что было в их силах, включая продажу долларовых активов, чтобы пережить рыночную экономику со «свободой для всех». С другой стороны, как считалось, Япония должна была выйти из этих потрясений окрепшей; но в ходе этого ее практическая поддержка второй Бреттон-Вудской системы сошла на нет.

На самом деле не было никакой реальной возможности того, что власти Японии совершат политическое самоубийство, отказавшись от контроля над экономикой в пользу рынков, которым они не доверяли. Но обстоятельства 1990-х гг. тем не менее поставили серьезные проблемы: как отвести финансовую систему от края пропасти и при этом в нее не сорваться; как управлять экономикой, в которой рост номинального ВВП (реальный ВВП плюс темпы инфляции) больше не был самоочевидным; как снизить ожидания мрачного и разочарованного населения, не вызвав реальных гражданских волнений. И самый главный внутренний вызов: они должны были приспособиться к новому глобальному экономическому порядку, в котором направление и темпы экономического роста, по-видимому, задавались не самими производителями, а теми, кто занимался оказанием сложного комплекса услуг, что было очень неудобно для страны, в основе экономического могущества которой лежало производство вещей.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ?

Отвечая на эти вызовы, Токио следовал тому, что, за исключением 1931–1945 гг., было руководящим принципом его внешней политики с конца XIX в. — подчинение глобальным интересам нынешней сверхдержавы в обмен на определенную степень защиты и снисхождения. Но многие представители Запада ошибочно посчитали такое повторное закрепление места Японии в завязанном на Соединенные Штаты порядке решающим поворотом к неолиберализму. Такое непонимание отчасти было вызвано сочетанием амнезии с принятием желаемого за действительное. Более десятилетия финансовая пресса, неоклассические экономисты и аналитики с Уолл-стрита предсказывали наступление самых страшных последствий, если Токио не примет религию и не проведет все надлежащие неолиберальные реформы. Поскольку катастрофы не случилось (финансовая система Японии не рухнула; ее производители продолжали господствовать в некоторых ключевых секторах), возможно, проводились незаметные реформы. Кроме того, японская элита создала представление, будто страна совершила поворот к неолиберализму. Язык и некоторые действительные практики, импортированные из того, что японцы любят называть англо-саксонским капитализмом, оказались полезными как для объяснения среднему классу, почему в

скором времени не произойдет резкого улучшения его положения, так и для повышения эффективности. Широко распространенные разговоры о ресурора — милой сердцу Уолл-стрита реструктуризации — и несколько заметных поглощений больших компаний иностранцами — Nissan Motors, Long-Term Credit Bank — заставили напрячь мозги японских наемных работников и руководителей, столкнувшихся с неожиданной угрозой отчетности перед иностранцами, которые были моложе их самих, или даже лишения своих рабочих мест. И неолиберальные речи, конечно, были музыкой для представителей сверхдержавы, внимание которой отвлекали события, происходившие в других местах.

И до января 2006 г. казалось, что Япония была еще одним последовательным проводником идей с Уолл-стрита. Молодые японские банкиры и бизнесмены свободно владели новомодным жаргоном управления, генеральные директора рассуждали об акционерной стоимости, программы МВА вовсю внедрялись в японских университетах (в одном из них преподаю и я), а словосочетание «слияния и поглощения» перестало казаться чем-то непристойным. После череды безликих премьер-министров в 2001 г. вдруг появился Дзюньитиро Коидзуми, заявивший о себе как о реформаторе, который поведет за собой страну в XXI в. Белый дом принимал все его подобострастные заявления о важности глобальной неолиберальной гегемонии Америки всерьез.

Возможно, Япония и зависит от Вашингтона, но к идее о полном обращении к неолиберализму следует относиться со скепсисом. Хотя кое-кто в деловых и финансовых кругах Японии убедил себя в том, что новая эпоха деловых людей и «стоимости» окончательно сменила старую бюрократическую экономику, наиболее важные решения по-прежнему продолжали приниматься за кулисами японского Министерства финансов и его подразделения — Агентства по надзору в финансовой сфере. Подтверждением этого может служить законопроект о приватизации почтово-сберегательной системы, который был выдвинут Коидзуми на выборах в новый парламент в сентябре 2005 г. На поверхности все выглядело как столкновение между динозаврами старой, бюрократической Японии и новым порядком. Почтовые сбережения были основным финансовым столпом системы 1955 г. Собираемые через сеть почтовых отделений, охватывающих всю страну, они служили крупнейшим источником свободных средств для японского правительства. Решения об использовании этих средств традиционно принимались Министерством финансов. Обычно они шли на обеспечение японских государственных облигаций, финансирование проектов политиков Либерально-демократической партии и поддержку доллара. Почтовые отделения давали более высокий процент, имели больше отделений и предлагали более радужное обслуживание, чем традиционно высокомерные банки. Начальники почтовых отделений (особенно в сельских районах) были важными местными фигурами, часто связанными с Либерально-демократической партией; нередко эта должность переходила от отца к сыну.

Коидзуми показательно продвигал свою реформу, вступив в борьбу с «заднескамеечниками» от ЛДП, которые выступили против законопроекта о приватизации. Они понимали, что это неизбежно должно привести к исчезновению оплота их власти — сети сельских сторонников ЛДП, работа которых прямо или косвенно оплачивалась за счет почтовых сбережений. Но пропаганда идеи о том, что законопроект означал появление экономики участия, не позволяла увидеть, что этот законопроект был составлен Министерством финансов (Коидзуми признался, что он даже не читал его). В соответствии с ним бюрократы из Министерства финансов

передавали контроль над реструктуризацией японской экономики в руки инвестиционных банкиров и рынков капитала. Безусловно, Коидзуми проявил впечатляющую политическую ловкость рук. Его противники в ЛДП, тесно связанные с сельской строительной промышленностью и почтовой бюрократией, попались на его уловку — заявление, что он назначит новые выборы в случае отклонения. Они отклонили законопроект, позволив ему провести предвыборную кампанию под лозунгом противостояния реформаторов (он сам и его кандидаты) и противников изменений (все, кто выступали против него). Этот маневр исключил всякую возможность прихода к власти настоящих реформаторов.

На самом деле громкое переизбрание Коидзуми на выборах в сентябре 2005 г. укрепило власть Министерства финансов над японской экономикой. Законопроект о почте Японии вновь был представлен на рассмотрение парламента и вскоре принят. Никто не собирался изымать почтовые сбережения с рынков американских и японских государственных долговых обязательств, чтобы получить более высокую прибыль где-то еще. На протяжении по крайней мере десяти лет этими деньгами распоряжалось Министерство финансов, которое даже не планировало вызывать рост процентной ставки или валютный кризис. Новый закон создал ситуацию, когда сельские «белые слоны» стали получать меньше почтовых сбережений. В результате больше средств стало использоваться для разрешения трудностей, связанных с государственными финансами и реструктуризацией финансовой системы Японии.

ХОРИМОН

Многие за рубежом посчитали переизбрание Коидзуми свидетельством расцвета системы свободного рынка. Об этом говорили и многие японцы. Основным символом этой новой экономики стал молодой предприниматель по имени Хори Такафуми. Он обеспечил себе место в элите, пройдя самое важное испытание — зачисление в Токийский университет. Но вместо того чтобы сделать то, чего от него все ждали, — закончить учебу и войти в состав правящей бюрократии или руководства крупной компании, он бросил университет. Стараясь походить на Билла Гейтса и Стива Джобса, которые также бросили элитарные школы, он основал компанию, чтобы воспользоваться возможностями, появившимися с приходом Интернета. Дела его фирмы пошли в гору, и вскоре в классическом стиле Уолл-стрита он начал делать предложения о поглощении, используя свое влияние на средства массовой информации для обращения к акционерам, которые теоретически владели фирмами. Постепенно он стал героем для молодых японцев, спасшим страну от поражения в борьбе с Apple Computer и Goldman Sachs. Школьники дали ему прозвище «Хоримон», прибавив к его имени суффикс, взятый от английского «монстр», обычно используемый для обозначения детских героев (покемон, дораемон).

Одетый в футболку и джинсы, он стал привычной фигурой на японском телевидении, поносящей скучных, облаченных в костюмы директоров за их отсталость. Хори горячо поддержал идею Коидзуми о реформе и вошел в его избирательный список, выступив на сентябрьских выборах против тяжеловеса из ЛДП Камэй Сидзука. Камэй — горячий сторонник традиционной покупки голосов сельских избирателей при помощи крупных инфраструктурных проектов — без труда переизбрался в своем округе. Но поддержка такой знаменитости, как Хори, помогла укрепить образ реформы Коидзуми.

Но это также привело к его краху. 16 января 2006 г. все телеканалы, радиопередачи и газеты сообщили об обысках в кабинетах его компании; неделю спустя Хори был арестован. Несколько его партнеров были брошены в тюрьму, а другие, по официальной версии, покончили жизнь самоубийством (некоторые журналы намекали на убийства). Последующие события развивались по классической схеме, характерной для политической жизни Японии после 1945 г. Внезапно средства массовой информации изо всех сил начали поносить фигуру, которую они всего несколько недель назад называли олицетворением нового процветания. По замечанию Карела ван Вольферена, скандалы служили центральной структурной особенностью японского политического порядка, который в конечном итоге покоился не на законе. Эти скандалы исправляли перекосы и способствовали разрешению борьбы за власть, которая в других странах регулировалась судами или выборами. Прокуроры, задержавшие Хори, не спешили предъявлять ему обвинение. После месяца работы с бумагами его компании (этого времени было достаточно, чтобы пресса создала толпу, готовую его линчевать) они обвинили его в нарушениях законодательства о ценных бумагах и валюте, а позднее — в мошенничестве с бухгалтерией.

В Японии прокуроры не начинают расследований против фигур, подозреваемых в финансовых преступлениях, по своей инициативе. И они точно не действуют в интересах недовольных инвесторов. Они начинают шевелиться после указаний из Министерства финансов и других бюрократических групп, ответственных за состояние экономики страны. Освещение падения Хори в прессе навеивает воспоминания об Епгоп. Он, по-видимому, действительно участвовал в сомнительных финансовых операциях. Его излюбленной тактикой было повторное дробление акций, которое позволяло (пока выпускались новые акции, старые не могли быть проданы) взвинчивать цены. Хори вполне может быть японской разновидностью финансового мошенника, хорошо знакомой на Западе; обвинителям, бесспорно, без труда удастся его прижать. Но не нужно забывать, что подобными финансовыми махинациями занимается большинство японских компаний.

На самом деле «преступление» Хори заключалось в его неспособности понять, что неолиберальная мишура, которой руководство Японии украшало свою экономику в последние годы, была всего лишь еще одним импортированным маскарадным костюмом, который следовало выбросить, когда он перестанет быть полезным для реальных хозяев власти. Подобная чехарда продолжалась с 1860-х гг. — перенять что-то у Запада, оставить полезное и выбросить остальное, особенно когда речь идет о фундаментальном распределении власти. Обвинители раскрыли карты, заявив, что арест Хори напомнит людям, что богатство достается тяжким трудом. Известность Хори сделала его идеальным средством, позволяющим донести послание, которое не в состоянии прочесть был только слепой, — неолиберальные разговоры подходят для Вашингтона, они могут быть полезны для обоснования отказа от неписанных норм занятости, вроде обеспеченности работой и постепенного роста доходов. Но со всяким, кто попытается использовать их как средство для разрушения существующих властных механизмов, поступят, как в любимой японцами поговорке: торчащий гвоздь обязательно заколотят обратно.

Тезис ван Вольферена о том, что скандалы, вроде того, что произошел с Хори, были неотъемлемой составляющей политического порядка, которому не хватало институциональных средств для недопущения подобных эксцессов, позволяет сделать один важный вывод: скандалы могут выйти из-под контроля и зажить своей

собственной жизнью, представляя угрозу для внутреннего ядра правящей элиты. Скандал с Хори создал прецедент; 5 июня 2006 г. чиновник, ставший инвестиционным управляющим, Мураками Йошиаки, был арестован по обвинению в инсайдерской торговле из-за того, что он вел дела с Хори. Мураками был куда более традиционной фигурой, чем Хори. Он был чиновником Министерства международной торговли и промышленности прежде, чем взялся за выполнение задачи по реорганизации японской системы управления с учетом мнения акционеров. Мураками, по-видимому, искренне верил в то, что он делает доброе дело и делает его хорошо. Он был известен как лучший инвестиционный управляющий в стране. Тем не менее связи Мураками в элите — одна из причин его успеха — не остановили распространение скандала на него и тех, с кем он вел дела, включая даже Фукуи Тошихико, руководителя Банка Японии, чья безупречная в прошлом репутация теперь оказалась запятнанной инвестициями в фонд Мураками.

Хотя скандал может задеть еще больше фигур в истеблишменте прежде, чем он завершится, разговоры о реструктуризации экономики по неолиберальным рецептам сейчас поутихли. И все же Коидзуми, немного успокоившись после скандала с Хори, создал основу для некоторых важных преобразований (более эффективная экономика и более тесно связанная с городом политическая система), которые не затрагивали при этом фундаментальных структур власти. Заигрывание с более радикальными дестабилизирующими неолиберальными идеями было прекращено, а оппозиционная партия, которая могла бы потребовать от бюрократии политической подотчетности, была полностью разбита.

НОВЫЙ ТРЕТИЙ ИГРОК

К тому же после нескольких ложных стартов теперь началось действительное экономическое восстановление. Но как долго оно продлится? Крах экспортных рынков Японии легко может положить конец этому восстановлению, поскольку при всех разговорах об оживлении внутреннего спроса они продолжают играть наиболее важную роль в получении прибыли японскими корпорациями и в обслуживании долга. С начала 1950-х гг. экспорт служил основой экономического роста Японии, особенно экспорт в Соединенные Штаты. И хотя он по-прежнему продолжается, не менее важным в последние годы стал японский экспорт в Китай — и в материальном, и в финансовом выражении. Потребность Китая в японских средствах производства, позволяющих ему производить товары на экспорт для наполнения американского рынка, позволила японским производителям средств производства увеличить загрузку производственных мощностей настолько, что они вновь начали получать прибыль. Приток средств позволил улучшить балансовые отчеты и выплатить долги, что в свою очередь позволило банковской системе преодолеть кризис безнадежных долгов.

Таким образом, Китаю удалось облегчить казавшуюся неразрешимой проблему: подавляющее давление на структуру расходов японской промышленности после вхождения в число развитых стран мира. Япония стремилась сохранить свою модель позднего развития, характерными чертами которой были зависимый от экспорта рост, системный протекционизм, серьезные ограничения на иностранные акции и картели, позволявшие промышленности накопить средства для компенсации снижения цен, необходимого для завоевания экспортных рынков. Но в 1990-х гг. огромный разрыв между внутренними японскими ценами и зарубежными ценами был преодолен, в результате чего исчезло множество картелей (обезумевшие японские бизнесмены

придумали термин «разрушение цены»), а крах цен на недвижимость поколебал финансовый механизм, который опирался на дешевое финансирование за счет направления сбережений домохозяйств в промышленность. Но несмотря на все усилия, направленные на сдерживание рыночных сил, избежать экономической реальности обученных китайцев, готовых работать вдвое больше своих японских коллег за десятую часть их зарплаты, было невозможно.

Но японские промышленные лидеры нашли свой способ справиться с этой угрозой, проведя разделение труда с Китаем. Обе страны участвовали в молчаливом сотрудничестве, поддерживая доллар, что позволяло американцам покупать дорогостоящую японскую продукцию (автомобили, станки, комплектующие для аэрокосмической промышленности) и более дешевые китайские товары, которые изготавливались главным образом на импортном японском оборудовании. Для семей многих японских рабочих исчезновение гарантий занятости отчасти смягчалось притоком дешевого китайского импорта продовольствия и одежды. Неформальные экономические механизмы — пожизненная занятость, нежелание банков отказывать в выкупе закладной в результате просрочки, взаимопомощь между компаниями в крупных предпринимательских группах (кейрецу) — переживали непростые времена, но продолжали действовать, чтобы избежать окончательного краха, предсказанного многими иностранными наблюдателями. Японская экономическая система в сущности осталась невредимой. Но для этого потребовалось появление третьего игрока, которое принесло с собой целый ворох проблем и неопределенность. С середины 1950-х гг. перед руководством Японии стояла только одна по-настоящему важная внешняя задача — взаимодействие с Соединенными Штатами. Систему безопасности, созданную американцами, и неограниченный доступ на американский рынок необходимо было сохранить любой ценой; в этом был весь смысл японской внешней политики. Но теперь непредсказуемый Китай стал частью картины.

ПО ТУ СТОРОНУ ЯПОНСКОГО МОРЯ

Реакция на события в Китае играла важную роль в современной японской мысли — от сегуната Токугава до сегодняшнего дня. Форсированная индустриализация Японии в конце XIX в. была непосредственным ответом на картину слабого и растоптанного Китая, обманутого западными державами. В течение пятидесяти лет после Японо-китайской войны 1895 г. многие действия Японии за рубежом были попыткой предотвратить появление независимой китайской державы, укрепив при этом свою собственную. Обретение послевоенной Японией статуса американского протектората, как мы видели, отчасти объясняется попыткой пойти по пути наименьшего сопротивления. Но оно также связано с убеждением, которого придерживаются многие представители политической элиты в Токио, что альтернативой американской защите является вхождение в новую китайскую империю в качестве подчиненного государства. С ростом экономической зависимости Японии от Китая опора на Америку в качестве противовеса кажется все более разумной не только Токио, но и Пекину.

Этим можно объяснить некоторую театральность японо-китайских отношений в последние годы. Внешним наблюдателям антияпонские демонстрации в Китае, посещение премьер-министрами Ясукуни, шумиха по поводу нескольких фрагментов в школьных учебниках истории могут показаться странными. Но в регионе, где политика долгое время была театрализованной, послание, скрывающееся за этими выкрутасами, кажется очевидным: «Не путайте наши инвестиции с данью; вам не закабалить нас!»,

«Мы можем осложнить ваше положение — серьезно осложнить, если вы продолжите идти на поводу гегемонистских амбиций внешней силы, мешая нам восстановить историческое преобладание в Азии!». Общий рост напряженности в мире при администрации Буша сделал такие позиции более отчетливыми. Китайцы знали, что радикальные внешнеполитические интеллектуалы, занявшие ключевые посты в Белом доме, считали Китай новым противником Америки и лезли на рожон, пока их внимание не отвлек Усама бен Ладен. Хотя Япония показала себя идеальным союзником в бушевской «войне с террором», своим соседям она все больше напоминала американского прихвостня, которому нельзя было доверять.

Можно с уверенностью сказать, что, не допустив переустройство японской политики, которое казалось возможным до сентября 2005 г., Токио продолжит играть ключевую роль, которая выполнялась им на протяжении последних тридцати лет в обеспечении глобального господства Соединенных Штатов — поддержании американского доллара. Но Япония больше не может действовать в одиночку; теперь она зависит от Китая, который вошел в дело. Какие факторы определяют соответствующую политику в Пекине?

Китайское правительство может казаться уверенным в своих силах. В конце концов, это режим, который осуществил самое быстрое повышение уровня жизни в истории человечества; правительство, которое возглавило едва державшуюся страну и превратило ее в крупную державу, пользующуюся уважением и даже внушающую опасения во всем мире. Тем не менее ее преследует страх неурядиц и вызовов фундаментальной легитимности. Вспомним истерию, с которой пекинское правительство отреагировало на появление сектантской «новой религии», вроде Фалун Гонг, или на возможность публикации мемуаров Чжао Цзыяня. Прочно стоящее на ногах и уверенное в своих силах правительство не сделало бы подавление секты или мемуары мертвого лидера основными целями своей политики и не тратило бы столько сил на отслеживание в Интернете неблагоприятных отзывов о себе. Но члены политической элиты, которые видели, как жизни и карьеры их родителей сгнули в хаосе «культурной революции», не могут спокойно взирать на угрозы социальному миру и стабильности. С точки зрения легитимности, Коммунистическая партия Китая является преемницей мандаринов, которые правили в Китае тысячелетиями. Власть в нем покоится скорее на идеях древнекитайской политической философии, чем на марксистских постулатах; а правом править в Китае обладают образованные классы, пользующиеся покровительством небес, причем процветание и порядок служат свидетельством законности правителей, а бедность и беспорядки — верный признак ее отсутствия.

ДОЛЛАРЫ КИТАЯ

Каким образом сохранение значительной части национального богатства Китая в долларовых резервах согласуется с этой картиной? Китаю необходимо создавать примерно десять миллионов новых рабочих мест в год, чтобы не допустить политически опасной безработицы. Китайское руководство прекрасно знает, что появление большого числа незанятой молодежи неизбежно ведет к политическим беспорядкам. Стратегия создания рабочих мест связана с постепенным переводом производства из других стран — главным образом, из Соединенных Штатов — в Китай. Продукция китайских фабрик продается преимущественно за рубежом, причем самая большая доля приходится опять-таки на Соединенные Штаты. Практически все

(не только американцы) платят за китайский экспорт долларами; значительную часть Китай сохраняет в качестве валютных резервов, главным образом, в форме государственных долговых обязательств, т. е. прямого финансирования американского дефицита.

Каждому, кто привык иметь дело с цифрами, наличие этой стратегии в статистике платежного баланса Китая совершенно очевидно. Большинство стран, имеющих активное сальдо платежного баланса (торговля, плюс перечисления, дивиденды и проценты), подобно Японии, используют деньги для предоставления займов и поглощений за рубежом. Китай явно использует часть того, что он получает от торговли, для покупки шахт, компаний и нефтяных скважин за рубежом. Но в Китай поступает больше инвестиций, чем из него; благодаря этому его территория покрывается заводами и небоскребами. Между тем активное сальдо текущих операций Китая ведет к созданию огромных долларовых активов. Что бы китайское руководство ни думало о Соединенных Штатах, оно не может испытывать иллюзий насчет того, что доллары, накопленные им, удастся использовать по их нынешней номинальной стоимости. Китаю не раз предлагали перевести свои активы из американских государственных ценных бумаг в другие инструменты, которые приносят более высокую прибыль, (в акции, например, или даже недолларовые инструменты) и использовать полученную прибыль для реструктуризации нерентабельных управляемых государством компаний. Эти компании не могут быть закрыты по политическим причинам, так как они продолжают обеспечивать средства к существованию для значительной части населения Китая. В то же время они представляют собой своеобразную черную дыру для китайских финансов, угрожая долговым схлопыванием финансовой системы, если-таки предприятия не удастся сделать хотя бы минимально рентабельными.

Проблема предложений по финансированию Китаем реструктуризации своих государственных предприятий через продажу долларовых резервов заключается в том, что Китай стал слишком крупным игроком. Любая попытка выведения значительной части своих резервов грозит ускорить крах рынка американских облигаций, который приведет к краху и другие рынки, тем самым не позволит достичь намеченной цели. Самое время вспомнить, что произошло, когда Центральный банк Южной Кореи заявил о диверсификации своего портфеля и об избавлении от части американских государственных ценных бумаг в феврале 2005 г.: и доллар, и рынок американских облигаций упали, побудив корейцев отказаться от своего решения. Корейские активы в американских государственных ценных бумагах (69 миллиардов долл.) составляют менее одной десятой китайских активов. Поэтому Китаю остается придерживаться нынешней стратегии: поддерживать рост экспорта, с одной стороны, и постоянный приток иностранных инвестиций — с другой. Если быстрый рост продлится долго, как надеется Китай, возможно, доля совокупных активов страны, связанная с управляемыми государством предприятиями, будет не слишком большой, чтобы с ней можно было справиться в случае спада.

Китай также надеется, что если глобальный финансовый режим, завязанный на доллар, падет, его экономика будет уже достаточно развитой, чтобы позволить юаню занять достойное место среди ведущих валют мира без всякой внешней поддержки, которую в настоящее время обеспечивают долларовые резервы страны. Это позволит справиться с крахом американской покупательной способности, когда Соединенным Штатам, наконец, придется жить по средствам.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РАСПЛАТА?

Но, по прогнозам, этот крах будет ужасным, и нет никаких гарантий, что рынки будут спокойно ждать, пока китайская финансовая система окрепнет достаточно, чтобы справиться с последствиями. Ибо рынки очень нервозны; они постоянно всего боятся. Возобновление инфляции в Соединенных Штатах, неопытный глава Федеральной резервной системы, который еще не столкнулся со своим первым реальным кризисом, политически ущербная администрация Буша, сдувание американского мыльного пузыря в недвижимости — все это при резком скачке товарных цен, постоянной угрозе прекращения поставок нефти с Ближнего Востока, стремительном росте внешнеторгового дефицита и дефицита бюджета и обеспокоенности китайской финансовой системой — это или что-то еще вполне может вызвать панический отказ от доллара, который превзойдет способность и готовность восточноазиатских центральных банков сдерживать наводнение.

В финансовых кругах Токио ходят слухи о том, что Министерство финансов пришло к выводу, что глобальный дисбаланс стал слишком большим, что пределы способности поддержания доллара Японией, наконец, достигнуты. Существует реальная возможность того, что Япония перестанет отдавать «хорошие» деньги за «плохие» при следующем долларом кризисе и будет сидеть сложа руки. Конечно, цена этого будет слишком высокой. Как только доллар начнет свободное падение и иена перейдет свой исторический рубеж 79 иен за доллар, Японии придется списать большую часть своих накопленных долларовых резервов и потерять сотни тысяч рабочих мест на производстве. Но за последние пятнадцать лет Япония научилась справляться с потерей рабочих мест. Микину Акио утверждает, что после окончательного освобождения от дефляционного бремени поддержки огромного объема бесполезных долларов (бесполезных — для Японии) в японской экономике может наступить эпоха супер-иены. Кроме того, возрождение покупательной способности японских домохозяйств может не только компенсировать потерю рабочих мест, но и обеспечить постепенный переход к экономике, которая определяется внутренним спросом, а не экспортом. Это официально объявленная цель японских политиков. Можно утверждать, что сегодня Япония способна справиться с экономическими последствиями долларом кризиса гораздо лучше, чем в предшествующие двадцать лет.

Другое дело политические последствия. Крах доллара положит конец американской гегемонии. Соединенные Штаты столкнутся с серьезными трудностями в сохранении военного могущества в мире, где необходимо будет зарабатывать евро или иены, чтобы платить иностранным кредиторам, а не всучивать ценные бумаги американского правительства. Какую бы форму он ни принял, конец американской гегемонии приведет к повторному возвращению к основному вопросу японской политики — праву править. Он встанет особенно остро из-за серьезных потрясений у наиболее важного соседа Японии. Нет очевидной замены американского рынка, способной обеспечить спрос для поддержания роста, необходимого Китаю для того, чтобы избежать угрозы внутреннего финансового кризиса, если этой заменой не станет сама Япония.

Единственный эксперимент Японии за последние 150 лет — попытка действовать самостоятельно — окончился катастрофой. Конечно, многое с тех пор изменилось. Действия правых в сегодняшнем политическом ландшафте Японии — новый акцент на

патриотизме в школах, растущее принятие ревизионистских рассуждений о войне, ощутимая тоска в консервативных кругах по жесткой внешней политике при поддержке сильных военных — пока далеки от истерии и утраченного 1930-х. Но — увы! — нет реальных признаков того, что Токио создаст институциональную инфраструктуру, способную выработать разумный курс, который позволит Японии обходиться без Америки. В этом, возможно, и состоит основная причина того, почему при долларовой кризисе Япония возьмется за старое и еще раз спасет международный финансовый порядок, покоящийся на долларе, — страх неспособности справиться с тем, что наступит после. Но если Япония предпочтет остаться вне игры или если ее вмешательство окажется недостаточно для предотвращения краха того, что мы назвали второй Бреттон-Вудской системой, то такая возможность реальна. Сегодняшний дисбаланс гораздо больше и в абсолютном, и в относительном выражении, чем тот, что имел место в конце 1970-х или в конце 1980-х гг., когда японское вмешательство имело решающее значение. Токио скорее всего так или иначе придется иметь дело с непредвиденными реалиями. И здесь есть множество возможностей — от ухода Соединенных Штатов из Восточной Азии до безапелляционных требований Вашингтона взять на себя большую часть финансового бремени, связанного с сохранением военного присутствия в регионе, а также политических и экономических потрясений в Китае, на Тайване и Корейском полуострове.

Посещение премьер-министром Коидзуми военной святыни Японии (Ясукуни) — глубоко разочаровывающее зрелище для всякого, кто надеется, что Япония стала достаточно зрелой в политическом отношении, чтобы справиться с турбулентностью в Восточной Азии, которая наступит вслед за крахом доллара. Дело не столько в самом поступке — безответственном и оскорбительном, сколько в структурных проблемах японской политики, которые раздирали страну со времен революции Мэйдзи. Многие комментарии по этому поводу касались оправдания военных преступников среди десятков тысяч японцев, погибших в той войне. Но на самом деле недовольство соседей Японии вызывает зримое присутствие Ясукуни как неустрашимого остатка аппарата синтоистского государства и поклонения императору 1930-х гг. Со своим музеем, прославляющим войны Японии в остальной Азии, Ясукуни служит постоянным напоминанием о возможности еще одного разрушительного разгула политической культуры, которая не имеет институциональных механизмов ответственности.

Показательно появление на политической арене самого Коидзуми. Пост премьер-министра в Японии необычайно слаб. Премьер-министр должен не просто пользоваться поддержкой, но и подчиняться той или иной части бюрократии почти во всех вопросах. Но сам пост и его полномочия де-юре допускают самостоятельность, особенно когда исчезают привычные ограничения. В этом случае ограничения были связаны с Министерством иностранных дел, которое в прошлом было по рукам некоторых не менее националистически настроенных предшественников Коидзуми. Но деморализованное министерство, все еще не оправившееся от событий, связанных с началом правления Коидзуми, не смогло помешать ему навредить отношениям Японии с ближайшими соседями. Он показал, что ничто не может повлиять на его ритуальное посещение этого институционального воплощения самых мрачных страниц японской истории. Многие представители элиты Японии, особенно в деловых кругах, были потрясены непримиримостью Коидзуми, но они ничего не могли с этим поделать. И его преемнику будет политически сложно прекратить посещение Ясукуни: слишком многие японцы теперь сочтут это уступкой иностранному давлению. Коидзуми создал

проблему на пустом месте. Это неизбежная потеря лица для всякого, независимо от того, как повернется дело. И это особенно опасно в регионе, где такие вещи воспринимаются крайне болезненно.

Китай и Корея видят в этом открытую провокацию. Посещение Ясукуни укрепляет их в подозрении, что Япония остается непредсказуемой и опасной. Возможно, что крах американского могущества в Восточной Азии, который приведет к схлопыванию долларовых рынков, заставит задуматься политиков в Токио и Пекине, не говоря уже о Сеуле, Пхеньяне и Тайбэе, и приведет к разумному примирению соперничающих национальных интересов, необходимому для создания длительного политического, экономического и финансового порядка в регионе и преодоления нынешней зависимости экспорта от американского рынка. Увы! — ни история, ни современные реалии не позволяют на это надеяться.

Перевод с английского Артема Смирнова